

Повседневная жизнь Томской мужской гимназии в середине XIX в.

The daily life of the Tomsk men's gymnasium in the middle of the XIX century

Богданов Е.Д.

Аспирант Алтайского государственного университета

e-mail: ficiricicirici@mail.ru

Bogdanov E.D.

Postgraduate Student, Altay State University

e-mail: ficiricicirici@mail.ru

Аннотация

Истории повседневной жизни учебных заведений в Российской империи уделяется мало внимания в историографии, в том числе на материалах Сибири. В связи с этим актуально изучение данной темы. В истории Томской мужской гимназии особое место занимает предреформенный период. Он существенно отличается от пореформенного этапа. Об этом периоде сохранились воспоминания учеников. На основе этого можно изучать предпосылки реформ Александра II. Можно заметить, что реформы изменили сам облик Сибири в российском государстве. В документах заметен низкий уровень благополучия и в самой гимназии. Между тем, в пореформенной России можно заметить абсолютно другую картину в учебных заведениях. В гимназии в дореформенный период можно заметить низкий уровень культуры учителей и плохое поведение учеников. Таким образом, можно отметить важнейшую роль реформ Александра II в жизни страны и их абсолютную необходимость.

Ключевые слова: повседневность, гимназия, образование, Сибирь.

Abstract

The history of the daily life of educational institutions in the Russian Empire is given little attention in historiography, including materials from Siberia. In this regard, the study of this topic is relevant. The pre-reform period occupies a special place in the history of the Tomsk Men's Gymnasium. It differs significantly from the post-reform stage. The memories of the students have been preserved about this period. Based on this, it is possible to study the prerequisites for the reforms of Alexander II. It can be noted that the reforms have changed the very face of Siberia in the Russian state. The documents show a low level of well-being in the gymnasium itself. Meanwhile, in post-reform Russia, one can notice a completely different picture in educational institutions. In the gymnasium in the pre-reform period, one can notice the low level of culture of teachers and the bad behavior of students. Thus, it is possible to note the most important role of Alexander II's reforms in the life of the country and their absolute necessity.

Keywords: everyday life, gymnasium, education, Siberia.

Истории повседневности образовательных учреждений в Сибири уделяется мало внимания в историографии. Важнейшим этапом в истории образования был предреформенный период. На основе данного периода можно изучать предпосылки реформ Александра II. По повседневной жизни Томской мужской

гимназии в данный период сохранились воспоминания учеников. На их основе можно воссоздать картину жизни гимназии.

Часто горожане не желали отдавать детей в училище вследствие низкого профессионального уровня учителей, неблагоустроенности школьных помещений, недостатка учебных пособий. Так, в 1861 г. обыватели Нарыма забрали своих детей из училища из-за того, что с ними «худо» занимались. Да и большинству детей, которые ходили в школу, родители не стремились дать полный курс обучения, ограничивали его одним-двумя классам [2, с. 137].

С созданием министерства народного просвещения (1802 г.) стали создаваться гражданские школы по новым правилам и уставу. Это положило начало формированию единой государственной школьной системы, где предусматривалась преемственность обучения – от начального, повышенного начального до среднего. В городах открываются уездные и приходские училища. В 1855 г. на территории всей Западной Сибири их было 15. Действовало лишь пять средних учебных заведений: две мужских гимназии, две духовных семинарии и горное училище [4, с. 130-131].

В протоколе заседания Томской губернской гимназии от 3 июня 1850 г. говорится о том, чем именно должны были заниматься воспитанники во время, назначенное для практических уроков словесности о том, что в IV классе во время практических уроков заниматься: рассказом кратких новостей и анекдотов, и заставлять воспитанников повторять их; переложением стихов в прозу. Рассказанное в классе, а равно и переложенные стихи воспитанники должны были дома изложить на бумаге и приготовить к следующему классу; работа же рассматривалась в классе и сделанные против орфографии ошибки выписывались на доске, дабы все воспитанники видели сделанные их товарищами ошибки. При этом им повторялись правила, против которых были сделаны ошибки [1, л. 39].

В протоколе заседания педагогического совета Томской губернской гимназии от 1 сентября 1849 г. говорится о назначении старших учеников по классам, что по случаю размещения классов в двух, отдельно стоявших, дома, - для усиления надзора за воспитанниками, было признано необходимым назначить в каждом классе двух старших, с тем чтобы второй старший исполнял эту обязанность в случае отсутствия первого; старшим поручить надзор, до начала классов, в промежутки между классами и по окончании их до совершенного опустения классной комнаты, - за сохранением приличной тишины, чистоты и целостности классных вещей [1, л. 25-28].

В протоколе заседания педагогического совета Томской губернской гимназии от 7 ноября 1849 г. говорится о том, что педагогический совет обсуждал объяснение казённокоштного воспитанника VII класса Николая Тюшева, который первоначально изъявил желание готовиться к отправлению в университет и потому стал посещать уроки латинского языка, ныне же просил о дозволении присоединиться к числу готовившихся в гражданскую службу и потому посещал уроки законоведения, - поставил на вид, что, хотя он сначала и увлёкся желанием открыть себе обширнейшую карьеру помощью университетского образования, но потом, внимательно обсудив своё положение в отношении к семейству, убедился, что его поездка могла совершенно расстроить благосостояние его семейства; потому что не имея ни отца, ни матери он, как старший, должен был быть охранителем и руководителем четырёх малолетних сестёр и малолетнего брата. Педагогический совет приводимые Тюшевым причины признал уважительными, и, как учебный год ещё начинался, то исполнение его просьбы нашёл возможным [1, л. 33-34].

История повседневности является активно развивающимся научным направлением. При этом, мало исследованной является повседневная жизнь

учебных заведений Российской империи, в том числе на материалах Сибири. Изучение повседневной жизни образовательных учреждений важно, в том числе для современного образования. Важные изменения произошли в образовании в период реформ Александра II. В связи с этим, актуально изучение предшествовавшего реформам периода, для выявления их предпосылок.

Учившийся в Томской мужской гимназии Н.И. Наумов писал в своих воспоминаниях, что Томская гимназия была по своему составу таким учреждением, где контингент составляли дети бедных чиновников, священников и дьяконов, купцов средней руки, мещан и крестьян. Дети более богатых родителей отсылались или в кадетский корпус, или в пансионы и институты в Петербург и Москву. Весь этот люд с Кирпичей, Елани, Заисточья, Болота и Кучугур (так назывались городские предместья, где ютились небогатые жители), лишённый всякого домашнего воспитания вносил в гимназию самые буйные уличные нравы обитаемых ими предместий. Новенький вице-мундир, чистые сапоги, благообразное умытое лицо возмущали уже чувства и неряшливость большинства товарищей и потому новичков, а особенно слабых, было принято приводить к одному знаменателю, как называлось это на языке гимназистов тех времён, т.е. каждый считал необходимым осмотреть и обнюхать нового сотоварища и затем дать ему тычка, дёрнуть за чуб или кольнуть в бока. Ядринцеву пришлось бы плохо с первых же дней от подобного обращения, тем более, что ему уже было дано название «вонючки» (благодаря раздушенности), но спасло его то, что он был воспитанником пансиона Позоровского, и буяны опасались, что он будет жаловаться Позоровскому [5, л. 326-327].

По воспоминаниям самого Н.М. Ядринцева, в заведении совершался подбор и соперничество физических сил, слабые и хилые оставались в унижении, это заставляло, однако, запасаться силой и их, правда слабому здесь много доставалось несправедливостей, жестокостей – Н.М. Ядринцев первый испытал это, но против грубого насилия часто в этой же среде находился противовес и защита. Н.М. Ядринцев в первые-же дни, под влиянием физических экспериментов над ним товарищей приобрёл себе и защитника. Когда его шпыняли и щипали, как маленькое беззащитное существо, один вид опрятности которого смущал демократический вкус, его взял под защиту один из сильнейших воспитанников угрюмый и мрачный, которого все боялись и звали за его силу и мрачный характер Дер-Бером. Дер-Бера никто не смел тронуть, он мог раздавить каждого. Только временами он сам себе устраивал истязания, вешаясь на крючки и гвозди, прибитые по стенам, и дико рычал [10, л. 268].

Также, Н.М. Ядринцев вспоминал, что гимназисты с охотой ходили на бои – «войнишки», существовавшие в городе у мещан. Также он писал, что помнил, как с восторгом рассказывались и описывались эти местные бои, где «пески» состязались с «кирпичами», или «заозёрье» с «заречными». По его словам, «заозёрье и «кирпичи» более влияли на учебное заведение, чем местные педагоги [10, л. 268].

Таким образом, можно отметить, что на повседневную жизнь гимназии оказывала существенное влияние культура городских окраин.

Учившийся в Томской мужской гимназии И.А. Куцевский писал в своём романе «Николай Негорев или благополучный россиянин»: «На последнем уроке не было учителя, и за порядком наблюдал старший ученик Малинин. Он вышел к классной доске, написал на ней: Шалили, поставил двоеточие и остановился среди класса с мелом в руках, отыскивая глазами нарушителя тишины и порядка, которого бы можно было занести в первую голову под рубрику Шалили. В классе поднялся шум, в Малинина начали бросать жёваной бумагой, корками хлеба и кусочками штукатурки, а с заднего стола вылетела даже немецкая грамматика. Но

отважный мальчик был так твёрд при исполнении своих обязанностей, что его нисколько не поколебала и немецкая грамматика: он под градом хлебных корок и бумажных шариков неусыпно заносил на доску одну за другой фамилии шалунов, делая это с таким спокойствием, как будто говорил сам себе: «Ладно, ладно! кидайте покуда сколько хотите; через четверть часа вас всех перевесят» [3, с. 34-35]. Отсюда видно, что ученики могли кидаться друг в друга различными небольшими предметами.

По воспоминаниям Н.И. Наумова, приходил, например, учитель грамматики Иван Капитонович Виноградов в класс, задавал урок выучить из грамматики Востокова наизусть страницу или две «отсюда и до сюда» и уходил в сторожку гимназии, обитатель которой сторож Павел Антонович, добродушнейший отставной солдат, приносил штоф вина, покупаемый наставниками вскладчину. Эконом гимназии Игнатий Мартынович Анципа приказывал принести хлеба, варёного и жареного мяса, огурцов и капусты из кухни, в которой приготавлился обед для казённых воспитанников и вот компания педагогов: Виноградов, учитель географии Фёдор Дмитриевич Наумов, прозванный «кокосом» за то, что постоянно бил учеников в голову козанками кулака, задавая предварительно вопрос виновному: «ты ел кокосы, а?» «нет» отвечал обыкновенно несчастный особенно если был из новичков. «Ну так вот вкуси, отведай!». Учитель латинского языка Яков Андреевич Андреев, горький пьяница, желчный и злой, который так и погиб от пьянства. Учитель арифметики, алгебры и геометрии Игнатий Мартынович Чигирь и учитель искусств, т.е. чистописания, черчения и рисования Антаков, безграмотный, из вятских мещан, не окончивший курса даже уездного училища, и попавший в учителя гимназии по протекции инспектора Придильщикова. Этот наставник сам ничего не умевший и не понимавший, дрался между тем едва ли не более других. Времяпровождение этих педагогов в сторожке за распитием вина продолжалось, если гимназию не посещал инспектор классов, от начала занятий с 8-ми часов утра до окончания их, т.е. до двух часов пополудни; для того же, чтобы внезапный приезд инспектора или директора гимназии не застал их за этим занятием, то кто-нибудь из них и чаще всего Виноградов приказывал ученикам посидеть у окон класса, выходящих на улицу, говоря: «эй, вы тамо, покараульте-ка слепого!» как выражались они, называя инспектора. В это время чаще всего класс шёл войной на класс, в бою отлетали пуговицы, рукава, воротники фалды у вице-мундиров рвались на части, сочилась кровь из разбитых носов и губ, глаза обрамлялись синевицами. Они задыхались от неё и чтоб освежиться глотком свежего воздуха, убегали в туалет. Но вдруг раздавался крик караульных «Инспектор идёт!» и моментально оглушительный рёв сменялся мёртвой тишиной, все разбегались по классам и садились на места, куда попало. Уведомлённые наставники спешили в классы и среди одуряющего воздуха и непроницаемой пыли начинались занятия, но едва инспектор уходил из гимназии, как наставники возвращались в сторожку, караульные снова садились на окна, и снова начиналась прерванная возня и бой между классами [5, л. 328-329].

Несколько другие сведения содержатся в очерках о Томской мужской гимназии в 1850-е гг. опубликованных в «Сибирской газете». В них, Фёдор Дмитриевич, войдя в один из классов сказал: «Покараульте-ка, господа, Фёдора Афанасьевича; да у меня, чертенята, сидеть смирно, а не то как-раз накормлю кокосами». Сделавши эти распоряжения, он исчез в глубине коридора. Отданное приказание было исполнено в точности, бдительные часовые были поставлены на всех местах, откуда можно было заметить приход инспектора. Учителя собрались в учительской и вели приятельскую беседу. Воспитанники были предоставлены сами себе, каждый из них располагался, как мог удобнее, приискивал себе занятие,

не производящее шума. Большой частью, класс разбивался на кружки, толковавшие о разных делах домашнего школьного обихода [8].

Н.М. Ядринцев в своих воспоминаниях объяснял такое поведение учителей. По его словам, слабый не подготовленный персонал педагогов с университетских скамеек являлся в глухую, неприветливую жизнь провинции и обстановку 40-х годов. Это были люди, случайно занесённые в Сибирь из старого педагогического института и из старых университетов, не успевшие ознакомиться с жизнью, дети эпохи Магницкого и Шишкова. Многие передавали ученикам воспоминания о своём прошлом, это также были люди из бурсы, семинарий и старых Аракчеевских гимназий, как их били и угощали «кокосами», так и они делали то же самое со своими учениками [10, л. 273].

По воспоминаниям Н.И. Наумова, когда учителя всё-таки начинали заниматься, как правило в силу необходимости или перед экзаменами, или в гимназию ожидали прихода директора, или в неё безотлучно сидел почему-либо инспектор, то качество занятий являлось низким. Как правило кого-нибудь вызывали и спрашивали урок. Вызванный вставал, выпячивался в сторонку и, закрыв глаза, отвечал, не переводя почти духу, выдолбленную страницу из учебника, а учитель следил за его ответом по книге глазами. Если спрошенный отвечал урок без запинки, ему говорили: «хорошо, садись!» и ставили в классном журнале отметку 5 – это называлось – ответил на пять. И подобный ученик считался хорошим и шёл первым. Если же кто-то отвечал с запиной, или упорно молчал, то за этим у Виноградова следовала потасовка за волосы, приказание встать на колени и угроза выпороть, у Наумова угощение «кокосам», затем постанова на колени и в заключение также угроза выпороть [5, л. 329].

Н.М. Ядринцев вспоминал, что Я.С. вместо преподавания словестности предавался воспоминаниям и анекдотам. Он не знал, куда занесёт его рассказ. Было замечено, что он начинал о Николае Угоднике, а кончал класс рассказом о воробье. Иногда он прямо приступал – «А вот я помню, у нас в Рязани...». Ученики его прозвали, наконец, «ботолой», погрязнушкой, навязываемой коровам [10, л. 275].

Н.И. Наумов вспоминал, что инспектор Придильщиков, как говорили, происходил из крепостных крестьян. Он был неглупый человек, наблюдательный и с тонким юмором, умевший определить выдающиеся способности в характере каждого ученика. Занимаясь в классах. В замену какого-нибудь учителя, и чаще всего Наумова, пившего запоем, он мастерски рассказывал нравы и обычаи обитателей различных стран света, увлекательно описывал борьбу полярных экспедиций с суровой природой и лишениями и всю роскошь и красоту тропической природы, нравы хищных зверей, птиц и пресмыкающихся [5, с. 331].

Н.М. Ядринцев вспоминал, что пускался в сатиру на товарищей. За его сатиру ему жестоко мстили. Когда на доске он нарисовал карикатуру на верзилу с остроконечной головой долихоцефала, высывающуюся из корчаги, ахиллес носил кличку «горшка», он вдруг увидел перед собой, красное, разгневанное лицо, а огромный кулак опрокинул его на пол с его кистью и палитрой.

Однажды на Н.М. Ядринцева налетел шалун и забияка Александр и без всякой причины его кулак впился в тело Н.М. Ядринцева. Вдруг, появился Дер-Бер. Он подошёл, и одним движением руки, так отшвырнул обидчика, что в его руке остался клоч разноцветного сукна от его вицмундира [10, л. 269].

В очерках о жизни Томской мужской гимназии в 1850-е гг., опубликованных в «Сибирской газете», говорится, что в коридоре гимназии висели чёрная и красная доски, на первой писались фамилии плохих учеников, на второй самых лучших. Удаление под чёрную доску было у пастора высшим наказанием [6].

В очерках приводится случай, когда в класс залетела собака. Пастор, боявшийся собак, неожиданно для всех, подобрал под себя ноги по-восточному и

закричал: «Выгоните этот собак, он меня кусает!». Эти слова были сигналом к новой, шумной потехе. Все засуетилось и заволновалось. Откуда-то взялись мётлы в руках воспитанников. Со всех сторон кричали «Ату её! Гони её!». Собака, гонимая пинками и ударами, с визгом металась под столами. Кто-то крикнул: «Инспектор!». Мётлы успели спрятать, собаку вынести, прежде чем показался инспектор [6].

В очерках в «Сибирской газете» говорится: «Как бы там ни было, но вообще Иван Гаврилови» был человек маленький. полненькШ. кругленькй, с совершенно уже заплывшими глазами, который давно послал к чёрту всю русскую грамматику, с ея этимологией и синтаксисом и всех, кто только ее выдумал, и, на этом малом основании, преподавание своего предмета предоставил на волю судеб, а сам никогда в его уже и не вмешивался. Но всем известно, что судьба-плохая преподавательница русской грамматики, то чтобы исправить несколько сделанные ею промахи и показать на экзамене уменье учащихся делать правильные грамматичесие разборы, Иван Гаврилович придумал, или лучше сказать изобрел, в минуты вдохновешя, особенный, собственной системы, телеграф, с весьма удобными, хотя и замысловатыми, сигналами, которые желающими перейти в следующий класс и заучивались в большем или меньшем совершенстве. Передающим аппаратом этого телеграфа служили руки, а принимающим—все тело, вицмундир с его петлями и в особенности пуговицы Ивана Гавриловича Эти замечательные пуговицы, по большей части, изображали собою символы различных грамматических падежей: верхняя означала, например, падеж именительный, вторая—родительный, а самая нижняя—предложный. Каждая часть вицмундира Ивана Гавриловича служила представителем» какой-нибудь части речи, или какого нибудь другого грамматического понятия Так что, идя на экзамен», Иван Гаврилович уже буквально, не иносказательно, облачался, так сказать, в свою грамматику, и сам был в тоже время ея полное олицетворение. Обыкновенно для удобства чтения сигналов, Иван Гаврилович всем своим широким передом обращался к отвечающему, которому оставалось только внимательно следить до какой грамматической эмблемы дотрагивался господин учитель. Вот он, спрашивая, на пример, какая часть речи разбираемое слово, будто нечаянно приглаживает» рукою свои напмаженные волосы, а воспитанник», достаточно изучивший всю эту телеграфную механику, смело и уверенно отвечает»: глагол», и не ошибается. А какого залога? продолжает» спрашивать Иван Гаврилович и касается рукою своего круглаго брюшка.—Средняго, без запинки отвечает спрошенный и т. д. Удивительно легко и просто, даже, если хотите, гениально! В конце учебного года устраивались преподавателем сначала частная репетиции, а потом и генеральная. На экзамене же русскаго языка Иванъ Гавриловичъ былъ настоящим художником своего дела: он на пуговицах и петлях своего вицмундира играл, можно сказать, как виртуоз на клавикордах, и результаты ответов учащихся получались иногда довольно, а иногда и весьма удовлетворительные, смотря по степени усвоения сигнальной азбуки. Чего подумаешь не сделает» человеческая изобретательность, и в особенности педагогическая!» [9].

В очерках в «Сибирской газете» приводится такой случай: «Кроме забот по преподаванию русского языка, Иван Гаврилович нес еще многотрудные обязанности по должности надзирателя за своекоштными воспитанниками, и в этом последнем звании он также не имел себе соперников. Однажды ему поручено было инспектором осмотреть квартиры некоторых, неотличавшихся особенно хорошим поведением воспитанников. Верный долгу службы, Иван Гаврилович заселяется в один из указанных ему домов и застаёт там веселую дружескую

попойку гимназистов. Приняв на себя строгий вид Юпитера громовержца, Иван Гаврилович объявляет:

-Я здесь по поручению Федора Афанасьевича! Вы, кажется, пьянствуете, господа? Не стыдно ли! Я должен доложить об этом инспектору.

-А, Иван Гаврилович? Как кстати. Уже будто и пьянствуем? Кутим, Иван Гаврилович, кутим! Что за беда! Да и зачем об этом докладывать инспектору? Не хотите ли с нами за компанию выпить рюмочку? Выпейте, уважаемый наставник!

-Что вы, господа, да как же это можно?

-Ну, Иван Гаврилович, голубчик, рюмочку, одну рюмочку!

-Вы с ума сошли, господа!

-Ну, милый Иван Гаврилович! одну рюмочку! Выпьем за здоровье того, кто нас любит более всего.

-Ну уж разве только одну рюмочку, сдастся Иван Гаврилович. Но больше ни-ни!

Иван Гаврилович с триумфом подводится к столу и при громком крике «ура» выпивает первую рюмку.

Первая рюмочка, говорят добрые люди, идет колом, вторая соколом, а третья мелкими пташками. Первую рюмочку Иван Гаврилович пропустил действительно колом, вторая прошла легче сокола, а там много, и так они набросились на бедного надзирателя и упитали его, что он, не имея возможности, как говорится, через губу переплюнуть, съехал с дивана, на котором обнимался и целовался с своими питомцами, и очутился лежащим на полу комнаты, еле бормоча: ми-лы-е мои!... Друзья мои!... Сту-ден-ти-ки!.. Федорр Афа-на-сич! Они доб-рр-ые ре-бя-та!... хорошие!... Но тут Морфей принял Ивана Гавриловича в свои объятия.

-Мажь ему харю чернилами! Кричит Кузьмин.

-И Иван Гаврилович вскоре из надзирателя за своекошными, человека кавказской породы, превращается в чистокровного эфиопа; так раскрасили его милые друзья.

-Оставь его, пусть дрыхнет!

Но через час воспитанники будят своего воспитателя.

-Иван Гаврилович! Вставайте! Вас инспектор зовет! Вставайте!

И поднялся своекоштный надзиратель с своего импровизированного ложа, словно черт из пекла, взъерошенный, черный как сапог, с осоловевшими глазками и надев на затылок свою форменную фуражку, двинулся пошатываясь, по улице при громком смехе недавних собутыльников. Был ли он в тот день у инспектора осталось неизвестным» [9].

По воспоминаниям Н.М. Ядринцева, в карцере многие проводили дни. Секли учеников до 7 класса и секли как крестьян [10, с. 266].

В очерках в «Сибирской газете» описывается случай, когда учитель Фёдор Дмитриевич сказал одному из учеников: «Эй, ты что, Савельев, возишься? Ну-ка, Васильев, дай ему, пострелёнку, кокос». Васильев встаёт и козанками кулака бьёт Савельева в голову. На это учитель сказал: «А, так ты его жалеешь? Савельев, долбани-ка Васильева хорошеньким кокосиком». И по указанию преподавателя воспитанники принялись долбить друг друга полновесными ударами [7].

В очерках в «Сибирской газете» содержится такой фрагмент: «Школьный народ спешит воспользоваться относительной свободой перемены. Все бегаёт, сталкивается, кричит; разнообразные группы больших и маленьких человечков, поднимая тонкую, расходящуюся по всем направлениям пыль, непрерывно изменяют свои затейливые построения, как фигуры калейдоскопа. В общем смешении всевозможных криков и стуков часто треск барабана и гром хоровой песни сменяются горьким плачем и горькими жалобами; в этом безобразном,

утомительном для непривычного уха, шуме, по временам резко выделяются кричащие в различных тонах голоса: Федор Афанасьич! Стрекаловский дерется! Я скажу Федору Афанасьичу! Что-то, падая, грохнуло, слышны взвизгивания и стоны. Инспектор, согнувшись, беспрерывно поправляя слезающие на нос очки, тихим лисьим шагом прокрадывается из класса в класс, выслеживая добычу. Человека два три успело уже побыть в сторожке и получить должное возмездие за свои прегрешения из рук знаменитого в свое время исполнителя приговоров сторожа Павла Антоновича. Два мальчугана, по приказанию инспектора, стоят в коридоре на коленях и держат друг друга за волосы, следуя пословице: чем ушибся, тем и лечись. Шалунишки уморительно плачут. Вокруг наказанных собралась толпа, хохот и гоготанье. Еще что-то с треском полетело на пол.

-Федор Афанасьевич! Комов доску сломал! Кричат в одном из классов.

-Ти, ти, братец, что тут воюешь! Доску сломал! доска то казенная! мягким, нежным голоском допрашивает виноватого внезапно появившийся инспектор.

Федор Афанасьич! Я стал писать на ней, а она упала! Федор Афанасьич, а, Федор Афанасьич! Обливаясь слезами, умоляет Комов, хватая за руки инспектора. Классная доска действительно едва держалась.

-А она и упала? Экая она негодная! Бедный мальчик! Принесите как сюда розочек! Живо принесены атрибуты старой педагогики, и, несмотря на слезы и мольбы, ни в чем не повинный бедняга был высечен на глазах воспитанников, под надзором улыбавшегося и постукивавшего пальцами Федора Афанасьевича. Перемена кончилась. Инспектор двинулся в старшую гимназию» [7].

В очерках в «Сибирской газете» содержится такой фрагмент: «Спрошенный Казанцев, один из древнейших старожилов класса, привыкший уже ко всяким ухищрениям педагогики, врет, не стесняясь в переводе. — Становись, дубина, на столяр. Огромное тело Казанцева растет, устанавливаясь на парте, выпрямившись во весь рост, едва не касается косматой головою классного потолка. Взрыв хохота. Учитель сам смеется, вполне довольный находчиво придуманной им мерой взыскания. Мера эта на столько ему понравилась, что к концу урока весь класс украсился оригинальными живыми статуями в сидячих, стоячих и лежащих позах на разнообразных подставках. На учительском столе уселся по турецки маленький Евстигнеев» [7].

Присутствуют и положительные примеры учителей. Н.И. Наумов вспоминал, что законоучитель священник отец Фёдор Краснопевцев пользовался общей любовью. Тихий, всегда ласковый и приветливый, он не позволял себе не только драться, но даже оскорбить кого-нибудь бранным словом. Если ученик не знал урока, то он качал только укоризненно головой, говоря: «Ай-ай-ай, как это стыдно, как стыдно!» - и виновнику действительно становилось стыдно, он краснел и в следующий урок рвался, чтоб спросили его, желая загладить свою вину. Учитель рисования Павел Михайлович Кошаров, также всегда был приветливый и ласковый, он терпеливо, с любовью, объяснял каждому ученику, что требовалось; пробудил охоту к рисованию, даже у тех детей, которые ранее, из ненависти к Антакову, не брали даже карандаша в руки. Класс рисования был для учеников праздником, и все старались заслужить похвалу и добрую улыбку Кошарова.

Н.И. Наумов хорошо отзывался и о пасторе Тецлове. Правда, по его словам, он учился у Тецлова в первый год его поступления в гимназию, и может быть впоследствии под влиянием постоянных насмешек он испортился. По словам Н.И. Наумова, он был чудаком, но человек глубоко гуманный. Он был жертвой грубых мальчишеских шалостей, оскорбляющих человеческое достоинство и доведших его впоследствии до умопомешательства, и несмотря на то, он всё-таки не прибегал к битью, ругани и жалобам директору [5, с. 332].

В очерках в «Сибирской газете» описывается случай, когда в отдалении слышались стоны и свист берёзовых прутьев: Фёдор Афанасьевич наказывал учеников. В классе притихли ещё больше. Пастор переменялся, он ходил в сильном волнении по классу и ругался по-русски. Пастор спросил воспитанников: «Как называется, то кто кожи выделывает?». Ему ответили: «Кожевник». После звонка, он в коридоре встретил Фёдора Афанасьевича и сказал ему: «Ви, г. инспектор, кожевник». Тот был крайне озадачен подобным приветствием и ничего не понял; может быть обругали его, может быть похвалили. Пастор хотел сказать: «Вы, г. инспектор, настоящий палач!». Он являлся одним из первых в то время противников телесного наказания [6].

Можно отметить низкий культурный облик учителей по социальным обстоятельствам того периода.

И.А. Кущевский писал в своём романе «Николай Негорев или благополучных россиянин» о гимназическом пансионе: «Надо заметить, что в пансионе жило очень немного платящих воспитанников, таких, как я; прочие состояли на иждивении казны. Всё это были, конечно, бедняки, и инспектор считал очень деликатным напоминать им при всяком удобном случае, что они даром едят казённый хлеб. Между своекоштными, приходящими учениками казённокоштные запросто назывались «казной пузатой», и к числу этой «казны пузатой» относили и пансионеров, платящих деньги, так как по наружности они ничем не отличались от казённокоштных, а справляться в канцелярии о том, кто платит и кто не платит, никто, конечно, не желал. Вообще с живущих в пансионе инспектор взыскивал гораздо строже, и «казна пузатая» пользовалась в гимназии дурной репутацией. По этой, вероятно, причине над ней было значительно больше начальников, чем над своекоштными. Кроме учителей, инспектора и директора, поровших розгами в классах, в самом пансионе было ещё много начальства, заботящегося о нашем благе до того, что вздохнуть было нельзя. Наш пансион, как все заведения того времени, подчиняясь военной субординации, был разделён на две половины — на старших и младших. Старшие жили в особой старшей спальне, из которой они почти никогда не выходили, тогда как младших в течение дня вовсе не пускали в свой дортуар. Старшим дозволялось напиваться пьяными, играть в карты, курить табак и проч. Во время обедов и ужинов они садились по краям столов и разливали кушанье, снимая в свои тарелки жир со щей, отбирая себе лучшие куски говядины, пирогов и проч. Старший имел право оставлять младших без обеда, рвать за уши, ставить на колена; младший должен был повиноваться, утешая себя мыслью сделаться впоследствии старшим и в свою очередь оставлять других без обеда, рвать уши, ставить на колена. Товарищество в старшей спальне было развито до последней степени — старшие крепко стояли друг за друга, и даже сам инспектор их не шутя побаивался. О подвигах старших ходили самые невероятные легенды. Один из них разбил когда-то полицейский разъезд, другой украл ризу с образа, третий поджёг гимназию, и проч. Всем этим чудесам верить, впрочем, было нетрудно. Между старшими находились малые лет тридцати и больше. При мне учился в шестом классе некто Чебоксаров, тридцати трёх лет. В прежнее время очень редко исключали казённых воспитанников, и потому не удивительно, что, сидя в одном классе по три и четыре года, многие оставались в гимназии почти до сорокалетнего возраста. Младшие находились в рабском повиновении воле старших, и даже Сколков, которому было лет под двадцать, непрекословно становился на колени по первому приказу какого-нибудь мальчишки-старшего, упавшего бы замертво от одного сколковского щелчка. Каждый младший считал за великую честь, если старший удостоивал его своим вниманием, съедая его булку или занимая у него деньги, само собой разумеется, без отдачи. Зато, как только младший переходил из четвёртого в пятый класс, он начинал пользоваться этими

же правами и мог с лихвой получить то, что давал. Он делался настоящим извергом, сладострастно моря на коленях по несколько часов мальчиков, всего несколько месяцев назад бывших его товарищами, а может быть, и друзьями. Какова бы ни была дружба, она прекращалась, если один из друзей оставался в четвёртом классе, а другой переходил в пятый и получал право заморить своего друга на коленях. Старших мы боялись больше, чем надзирателей, хотя последние могли в случае крайней надобности сечь розгами строптивых и непокорных» [3, с. 38-40].

Также, И.А. Кущевский писал: «Придя в пансион, мы начали, как обыкновенно делали по праздникам, слоняться из угла в угол. Все рассуждали о выборе мест для занятий. Для наивысшего углубления в науки перед экзаменами дозволялось уединяться в разные укромные места, и каждый, понятно, выбирал себе место сообразно своим склонностям. Сорвиголовы вроде Сколкова выбирали для занятий подвал или такое место, где при случае можно было поиграть в носки или даже выпить пьяным и выспаться. Шалуны более невинные довольствовались садом, где можно было поиграть в мяч или бильбоке. Люди, желавшие действительно заниматься, но с тем, чтобы это сопровождалось беспрепятственным курением табаку, выбирали себе места в тех классах, окна которых выходили на двор или в сад. Остальные места доставались совсем невинным людям, желавшим только избавиться, хоть на время, от докучливого начальнического надзора. Я хотел было остаться в столовой, где мы занимались обыкновенно, но Малинин сбил меня готовиться вместе с ним и ещё несколькими своекоштными учениками в карцере, который у нас, не в пример обыкновенным тёмным карцерам, был хорошо освещён и как место скорби и плена был достаточно сношен» [3, с. 74-75].

В протоколе заседания педагогического совета Томской губернской гимназии от 25 мая 1850 г. говорится о том, что в собрании педагогического совета Томской губернской гимназии рассуждение было о необходимости произвести починку и переправку старой мебели, как то: 10-ти кресел, 2-х шкафчиков умывальных, гардероба и 2-х обеденных столов со скамьями, - и построить для пансиона гимназии 6 новых шкафчиков для хранения белья и проч., с тем чтобы по мере средств, устроить таких шкафчиков 26, дабы каждый имел особое помещение с замком, для хранения выдававшихся ему казённых вещей под свою ответственность. Было определено: по недостатку штатной суммы 1850 г., употребить на указанные предметы, на основании счётного устава, & 32, п. 4, прилож. к ст. 18, из экономической суммы тридцать (30) рублей серебром, и предоставить директору донести об этой издержке заступавшему на место попечителя [1, л. 38].

Таким образом, можно сделать вывод, что образование в предреформенной Сибири имело массу проблем. Наиболее состоятельные слои населения отправляли своих детей учиться в Санкт-Петербург и Москву, что демонстрирует лучшее качество образования на данных территориях. Это было связано с тем, что Российская империя была классической мир-экономикой с крупным городом в центре. Таким образом, было крайне неравномерное развитие территорий. Крупные города вытягивали ресурсы, в том числе и человеческие, из провинции. В гимназии учились преимущественно дети с городских окраин. В результате, в гимназиях процветала культура трусоб. Плохо исполняли свои обязанности учителя. Всё это показывало необходимость модернизации и перехода от феодализма к капитализму, которые были особенно актуальны для Сибири.

Литература

- 1) ГАТО Ф. 101. Оп. 1. Д. 16.
- 2) Гончаров Ю.М. Повседневная жизнь горожан Сибири во второй половине XIX-начале XX в. Барнаул: Азбука, 2012.
- 3) Кушевский И.А. Николай Негорев или благополучный россиянин / И.А. Кушевский – Томск: Томская писательская организация, 2014. – 288 с.
- 4) Литягина А.В. Светское просвещение и повседневная жизнь горожан Западной Сибири во второй половине XIX-начале XX вв. Бийск: АГАО им. В.М. Шукшина, 2014.
- 5) Наумов Н.И. Ядринцев в томской гимназии // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск Западно-Сибирское книжное издательство – Т. 5. – 408 с.
- 6) Томская гимназия в пятидесятых годах // Сибирская газета. – 1881. - № 3 (15 марта).
- 7) Томская гимназия в пятидесятых годах. Очерки // Сибирская газета. – 1881. - № 6 (5 апреля).
- 8) Томская гимназия в пятидесятых годах. Очерки // Сибирская газета. – 1881. - № 7 (12 апреля).
- 9) Томская гимназия в пятидесятых годах. Очерки // Сибирская газета. – 1881. - № 14 (31 мая).
- 10) Ядринцев Н.М. Воспоминания о томской гимназии / Н.М. Ядринцев // Литературное наследство Сибири. – Новосибирск Западно-Сибирское книжное издательство – Т. 4. – 352 с.